

С трудом переставив ноги на шаг, а затем еще на один по направлению к двери, Чжао Фан застрял перед высоким порогом.

«Твою ж налево».

«Почему он такой высокий?»

Чжао Фан кое-как занес одну ногу, но вторая зацепилась за порог, и он чуть не вылетел наружу!

В самый критический момент чья-то сильная рука подхватила его под локоть, а другая поддержала деревянный ящик, не дав Чжао Фану растянуться на полу кверху тормашками.

— Куда собрался?

Чжао Фан встретился с чистым, ясным взглядом главного героя и на мгновение опешил. Может, он просто накручивает себя?

— С-сегодня погода хорошая, решил одежду просушить...

Главный герой, казалось, не заподозрил неладного. Он помог Чжао Фану вынести ящик и на ходу спросил:

— Где сушить?

Чжао Фан шел следом, не в силах больше сдерживаться:

— Откуда у тебя столько силы?

Когда тот парень пнул человека в прошлый раз, Чжао Фан подумал, что это случайность. Но то, как легко он тащил тяжеленный деревянный ящик, словно игрушку, было уже ненормально.

— Не знаю, — ответил Гунсунь Сы. — С детства так.

Если бы не эта сила, ни он, ни его кормилица не смогли бы благополучно дожить до сегодняшнего дня.

Чжао Фан подумал, что в этом есть смысл. Все-таки он главный герой, ему положены какие-то особые навыки, иначе как еще тащить сюжет?

Вспоминая прежнего владельца тела, Чжао Фан понял, почему тот «отбросил коньки» от одного толчка героя. Видимо, не оригинал был слишком хилым, а главный герой слишком мощным.

Гунсунь Сы помогал Чжао Фану развешивать вещи.

Увидев, как Гунсунь Сы схватил его исподнее, Чжао Фан поспешно вырвал его из рук:

— Это сушить не надо!

Гунсунь Сы покосился на него, не понимая, к чему эта жеманность.

В эти дни Чжао Фан продолжал давать Гунсунь Сы уроки и рассказывать истории. Вечером они вернулись к «Троецарствию».

Снаружи завывал холодный ветер, а в комнате было тепло и уютно.

Пристроившись у маленькой жаровни, Чжао Фан заваривал чай и подогревал вино. Он даже запек батат, который аппетитно шипел, наполняя всё вокруг своим ароматом.

По сравнению с продуваемым насквозь дровяным сараем, здешняя жизнь казалась сущим раем.

— Старая госпожа... доброй души человек...

— Пусть бодхисаттвы даруют ей сто лет жизни.

Только так он сможет и дальше греться в лучах ее милости.

Гунсунь Сы, видя покрасневшие щеки Чжао Фана и его затуманенный взгляд, заключил:

— Ты пьян.

Чжао Фан внезапно вскочил и принялся импровизировать, декламируя стихи:

— Вино из винограда в кубках, сияющих в ночи, мы пить собрались, но лютия в седло нас торопит сесть...

— Не смейся, коль пьяными на поле брани падем мы, – из воинов древних назад возвращался ли кто?

Декламировал он страстно, чеканя каждое слово.

Гунсунь Сы смотрел на Чжао Фана, гадая, откуда в нем столько талантов. Казалось, они были врожденными, как и его собственная божественная сила.

Заметив на себе восхищенный взгляд героя, Чжао Фан возгордился и не удержался от хвастовства:

— Разве не видишь ты: воды Хуанхэ с небес приходят... коль в жизни удача, пей чашу до дна, не дай золотому сосуду напрасно сиять под луной.

— ...Пей же вино, не выпускай чаши из рук!

С этими словами он чокнулся с героем и продолжил изливать душу в поэзии.

Прочитав добрый десяток стихотворений, Чжао Фан хлопнул себя по бедру:

— Ну как? Видишь, какой у тебя брат талантливый?

— Твой брат – великий книжник!

— По секрету скажу, я в свое время стал лучшим учеником провинции и поступил в университет «А»! Лучшим в провинции, представляешь...

А в итоге стал учителем химии в средней школе маленького уездного городка.

— Ха-ха...

В смехе Чжао Фана слышалась горечь. — На самом деле, всё было неплохо. Я человек

неприхотливый, да и детишки старались.

— Я ни на кого не в обиде. Правда.

— Просто... я по ним скучаю.

Гунсунь Сы не понимал, о чем говорит Чжао Фан, но, видя его натянутую улыбку, почувствовал мимолетный укол боли в сердце. — Брат, ты пьян, — тихо произнес он.

Чжао Фан не слышал. Он всё еще размахивал руками:

— Может, особых умений у меня и нет, зато знаний – полный мешок!

— О чем бы ни захотел узнать – от звезд до земли – я тебе всё растолкую.

— Говори!

— Что ты хочешь знать?

Гунсунь Сы и впрямь всерьез задумался. Что он хотел знать?

Он хотел знать, кто такой Чжао Фан на самом деле? Какую тайну он скрывает?

Он хотел знать, но в то же время боялся.

Чего именно он боялся?

Гунсунь Сы не стал углубляться в эти мысли.

Сейчас он был всего лишь маленьким попрошайкой по имени Гу Сы. Без отца, без матери, без родни – одинокий человек, для которого приют в резиденции маркиза уже был величайшим благословением.

Ему следовало ценить эту жизнь и быть довольным тем, что есть.

Что же касается мести Чжао Фану...

На мгновение сердце Гунсунь Сы смягчилось. Особенно после того, как Чжао Фан не раз выручал его. Он решил дать Чжао Фану один шанс.

Если Чжао Фан признает, что убил его кормилицу, и раскается в этом, он его отпустит.

В противном случае...

Чжао Фан, увлекшись своей пламенной речью, наконец почувствовал сухость во рту. Он схватил со стола чашку воды и жадно осушил ее.

— Красота!

Он собрался было сесть, но промахнулся мимо стула и повалился назад. От падения он окончательно дезориентировался.

Гунсунь Сы не выдержал и некстати прыснул со смеху.

— Эй, мелкий паршивец, помоги подняться.

Гунсунь Сы подошел, схватил Чжао Фана за ворот и с легкостью поднял. Другой рукой он подхватил его под колени и просто перекинул на кровать.

В комнате горела жаровня, поэтому свечи зажигать не стали.

Свет не достигал кровати, но в тишине слышалось едва уловимое потрескивание горящего древесного угля.

Гунсунь Сы похлопал Чжао Фана по щеке:

— Проснись.

Тот что-то невнятно пробормотал и отвернулся на бок.

Гунсунь Сы развернул его обратно:

— У меня к тебе вопрос.

Никакой реакции.

Тогда Гунсунь Сы одной рукой зажал ему нос, а другой – рот. Через несколько секунд Чжао Фан начал вырываться, но Гунсунь Сы не отпускал.

— М-м-м!

Сознание Чжао Фана наконец немного прояснилось. Увидев в темноте чью-то тень, склонившуюся над его кроватью, он облился холодным потом:

— Ты-ты-ты кто такой?

— Брат Чжао, это я.

Чжао Фан не сразу признал его:

— А, сяо Гу.

Он облегченно выдохнул:

— До смерти меня напугал, возник тут ни звука ни вздоха.

Лицо Гунсунь Сы скрывала тень. Голос его звучал тихо, почти печально:

— Говорят, тот человек, которого я пнул в прошлый раз, умер.

— Брат Чжао, я чувствую вину.

Голова у Чжао Фана еще соображала туго. Он по-свойски похлопал героя по руке:

— Не твоя вина. Тот парень был слишком заносчивым, такова уж его судьба.

— Кстати говоря, я должен тебя поблагодарить.

— Спасибо тебе.

Сказав это, Чжао Фан причмокнул губами и собрался снова перевернуться на бок, но Гунсунь

Сы прижал его за плечо, не давая пошевелиться:

— Брат, ты когда-нибудь убивал людей?

Чжао Фан отмахнулся:

— Нет.

— Точно нет?

Голос Гунсунь Сы приблизился. Он был так близко, что Чжао Фан мог разглядеть его черные зрачки, излучавшие мрачный блеск.

Однако вино придает храбрости даже трусу. Чжао Фан совершенно не почувствовал подвоха. Он зевнул:

— Я даже курицы в жизни не зарезал.

— Как я мог кого-то убить?

— Не думай ты о покойнике, так уж ему на роду было написано. Спи давай, спи.

«На роду написано?»

От этой небрежной фразы взгляд Гунсунь Сы заледенел.

Было очевидно: Чжао Фан не только не раскаивался, но даже не желал признавать содеянное.

Пусть кормилица была всего лишь служанкой, но все эти годы они жили душа в душу. Она давно стала для него единственным близким человеком в этом мире.

— Хорошо, Чжао Фан.

— Я дал тебе шанс.

<http://bllate.org/book/18123/1739330>